

Нежное, доброе, светлое... Пение Окуджавы, столь важное для лучших представителей двух-трех поколений, ныне востребовано только постаревшими их представителями, а, учитывая скоротечность жизни вообще, аудитория эта редееет на глазах. Ибо доброта не популярна. Как мягкость и нежность. Могут ли эти – основные – понятия быть популярны, или нет? Оказывается, могут.

1

Двадцатилетие официальной политики растления – с обнаглевшим шоу-бизнесом, осатанелой жадной наживы, тотальным размывом эстетических критериев, с культом псевдосилы и прочего – сделало своё дело, да так, что всё животное наверху, а всё лучшее, человеческое загнано в подполье.

Попробуйте объяснить двадцатипятилетнему менеджеру, что в жизни кроме денег, комфорта и неправильно понятого успеха есть ещё что-то! Не преуспееете – предложив ему послушать песни Окуджавы. Ибо для их восприятия нужны соответствующие душевные вибрации – они нужны и для нормальной жизни, но, заглушенные реальностью, еле теплятся они в нынешних душах – однако теплятся всё же, ибо изначальны. А курс (нелепо звучит, увы) – в школе, к примеру – курс прослушивания песен великого барда мог бы осветлить души детей, ещё не столь загрязненные, мог бы, но...

Аудитория редееет. Свет убывает из жизни. Самое страшное, что живущие в темноте начинают воспринимать её светом.

2

...в лавочке господина Свербеева некто Колесников проповедует идеи, отдающие крамолой: революцию в Европе и

прочее – и дальнейшая жизнь князя, зашедшего в лавочку, приобретает мистический оттенок.

Тимофей Катакази, явившийся в дом князя, вытягивает из него нужные сведения о персонажах, без которых не мыслим космос романа; а лично император в дальнейшем соединяет руки Натали и князя, что кончится трагически: инфлюэнца унесёт жизни молодой жены и младенца...

Путешествующие дилетанты сильно заинтересовали гуманитарную интеллигенцию: песни Окуджавы, казалось, шли фоном льющей, избыточной подробностями, такой далёкой будто бы от реальности жизненной ленты романа...

История Окуджавы, точно выворачиваясь таинственным содержимым, представляет собой как бы обратную сторону настоящего, где коллизии только увеличены – или даны под несколько другим углом: жизнь изменилась.

Суховатый язык скорее точен, чем богат образно, но детали прописываются вкусно, смачно.

...мир глазами дилетанта: ибо все мы дилетанты в жизни, а если, кто и дорастает до профессионализма, то не находит тотальной возможности поделиться со многими.

Ибо все мы путешественники – внутри мероприятия, названного реальностью: пусть меняются декорации и участники, но большинству не становится легче.

Есть Окуджава песен – игравший чрезвычайную роль в жизни многих (и лучших) представителей двух-трёх поколений; награвший атмосферу действительности добрым благородством своих аккордов и созвучий.

И Окуджава забавного водевиля «Похождения Шипова...»

И дилетантов, чьё путешествие часто предпринимается ради тупика смерти, загадку которого не разгадать.

Разнообразие – лучший козырь большого таланта.

Панорама жизни в Тбилиси, узкие улицы, колорит пейзажа – потом накатывает Москва, дальше появляется Урал: и всё это — глазами ребёнка.

Род ветвится, род вливается в общую трагедию, она отзывается на некоторых его представителях, оставляя другим соль сожалений: поколение, вознесённое революцией, а после – раздавленное ею...

«Упразднённый театр» смешивал иронию и трагедию, самоиронию и лирические картины – которые перечёркивались жестокостью; и доверительная, часто разговорная интонация придавала тепло всему художественному построению...

Лежит ли тень песен Окуджавы на его прозе?

Можно ли услышать характерные интонации?

Вероятно, тёплая струя, исподволь согревающая почти всю его прозу, именно оттуда: от тихого торжества добрых песен... История манит, её орнамент вьётся столь причудливо, что расшифровать его, проникнуть в тайну хитрых переплетений отдельных нитей, практически невозможно...

«Похождения Шипова», как истинное происшествие, вполне укладывается в нормы... скорее плутовского романа, чем водевиля: перенесённого на русскую почву, пропитанного реалиями девятнадцатого века...

Важный бывший лакей, возомнивший себя государственным мужем, и страшен, и смешон одновременно, и, пустившийся по следу самого Толстого, играет в некую загадочную игру, в которой колоритный Гирс – то ли грек, то ли итальянец, живущий для того, чтобы избыточно пить и есть.

Искры игры и занятные переплетения различных линий организуют текст столь же занимательный, сколь просквожённый подтекстом...

Каким? Попробуйте разгадать.

...восьмилетний ребёнок, часто появляющийся в парке, представившийся господином ван Шонховеном; чаи, распиваемые с хозяином парка, разговоры и прочее...

Все мы отчасти дилетанты, если иметь в виду наши познания жизни: их ограниченность, узость, условность...

Все мы отчасти дети, называющие другими именами.

И путешествие уводит известно куда, и за теньвым пределом – мерцающая, вечно соблазнительная неизвестность...

О! любопытство узнать – есть ли что после?

Проза Окуджавы ткётся причудливо и занимательно, и – льётся щедро, как грузинское вино, чья лоза не знает усталости; проза повествует о многом, оставляя не меньше загадок, и не раскрытых тайн.

И всё равно – кажется, песенное обаяние Булата Окуджавы овеивает страницы его прозы.

...и была ранняя, в акварельных тонах исполненная детская повесть «Прелестные приключения»: живущий на берегу моря маленький герой ждёт их, прелестных; его друзьями становятся Крэг Кутенейский Баран, что селится на шкафу, и Добрая Змея, обосновавшаяся на абажуре настольной лампы...

Морской Гридиг, представлявшийся страшным, на деле оказывается робким, безопасным, любящим манную кашу.

Он селится в раковине умывальника и рассказывает замечательные истории.

...кто-то уплывёт, кто-то останется с главным героем: но предчувствие солнечного будущего, прекрасного, как небесные пласты в ясную погоду, пронизывает такую трепетную, славную повесть – предшествовавшую и главным песням, и основной прозе Окуджавы.